

С.Ф. БЫКОНЯ, к.э.н., доцент,
ГВУЗ «Украинская академия бизнеса и предпринимательства»

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ПАРАДИГМА, ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Сегодня остается известная неудовлетворенность состоянием институциональной экономической теории. Господство классической парадигмы, основанной на механистической и гипотетико-дедуктивистской методологии, продолжается. После эпохи Просвещения мировоззрение, заложенное Галилеем, Декартом и Ньютоном стало доминирующим на Западе. Появление в Германии герменевтики, в США – прагматизма – новых мировоззренческих систем дали возможность по-иному исследовать социально-экономические системы. Благодаря этому было положено начало интерпретативной институциональной экономике.

Мы согласны с позицией господина В.М. Ефимова [1,2,3,4], который считает, что от экономиста, осмелившегося, ради познавательной и социальной эффективности своих исследований отказаться от классического мировоззрения требуется большое мужество и работоспособность в освоении и применении необщепринятых подходов.

Исследованиям социально-экономических явлений, в основе которых была положена интерпретативная парадигма, уделили значительное внимание в своих трудах западные ученые: Ч.Пирс, Т.Веблен, Г.Шмоллер, Дж. Коммонс, К.Поппер, П. Берпер, Т. Лукман, Пригожин И., Стенгерс И.[5,6,7,8,9].

Внесли свой вклад и российские ученые: Ефимов В.М., Микешина Л.А., Степин В.С., Сачков Ю.В. и другие [10, 11,12].

До сих пор интерпретативная парадигма не получила достаточного признания в научных сообществах. Остаются дискуссионными вопросы о соотношении и значении для развития экономической науки традиционно сложившейся классической парадигмы и новых мировоззренческих систем.

В данном исследовании мы раскрываем сущность, онтологию, эпистемологию и предмет интерпретативной парадигмы.

Еще в конце XIX века Г.Шмоллер так противопоставлял свою политическую экономию классической, следующей образцам классического естествознания: «Политическая экономика сегодня пришла к исторической и этической концепции государства и общества, ко-

торая противостоит рационализму и материализму. От чистой экономики рынка и обмена, своего рода экономики бизнеса, которая угрожала стать орудием класса собственников, она снова стала великой моральной и политической наукой, которая, кроме производства благ, изучает их распределение, кроме явлений связанных со стоимостью, изучает экономические институты, и которая ставит в центр (сердце) науки, не мир благ и капитала, а снова человека» (цит. по [2]).

Классическая парадигма уже давно безраздельно господствует в экономической науке. Такие направления экономической мысли как классическая политическая экономия, марксистская политическая экономия, кейнсианство, неоклассическая экономика и новая институциональная экономическая теория имеют существенные различия, в том числе и онтологические, но практически неотличимы эпистемологически. Можно сказать, что интерпретативная парадигма, которая противостоит парадигме классической, в настоящее время практически не имеет своих сторонников в сообществах экономистов, так как мировоззрение членов этих сообществ, определено ее противоположностью, классической парадигмой[1,2,3].

Свою научную программу Ньютон называет «экспериментальной философией», подчеркивая при этом, что в исследованиях природы он опирается на опыт, который затем обобщает при помощи метода индукции

Его экспериментально-математический метод может быть представлен в виде трехшаговой процедуры:

1) Упрощение явлений экспериментами таким образом, чтобы их характеристики менялись количественно и чтобы эти изменения можно было четко определить и измерить;

2) Выработка математических предположений, обычно с помощью специального исчисления, которые выражали бы математически найденные связи;

3) Проведение дополнительных экспериментов чтобы:

(а) проверить применимость этих выводов (дедукций) для новых областей и сведение

© С.Ф. Быконя, 2011

их к наиболее общей форме,

(б) в случае более сложных явлений выявить присутствие и определить значение дополнительных причин, и наконец,

(в) если природа таких дополнительных причин остается неясной, расширение используемого математического аппарата с тем, чтобы трактовать их более эффективно.

Подход основан на предпосылках созерцательного материализма и эмпиризма, поскольку исходит из необходимости «снять» эффекты присутствия и активной деятельности субъекта, считая их препятствиями на пути к объективно истинному познанию.

Важным элементом ньютоновской классической парадигмы является эксперимент. На первый взгляд может показаться, что тем самым произведен полный разрыв с картезианским априоризмом. Но это не так. По выражению Пригожина и Стенгерс ученые ведут с природой некий экспериментальный диалог. Но этот диалог в рамках классической парадигмы полностью пронизан картезианством: «экспериментальный диалог соответствует в высшей степени специфической процедуре. Природа, как на судебном заседании, подвергается с помощью экспериментирования перекрестному допросу именем априорных принципов. Ответы природы записываются с величайшей точностью, но их правильность оценивается в терминах той самой идеализации, которой физик руководствуется при постановке эксперимента. Все остальное считается не информацией, праздно болтовней, вторичными эффектами, которыми можно пренебречь» (Пригожин и Стенгерс, 2005, с.48(цит. по [3])). Таким образом, диалог с природой ведется на языке выбранной им теории. «Каков бы ни был ответ природы – «да» или «нет», – он будет выражен на том же теоретическом языке, на котором был задан вопрос» [3, с.49]. При этом «праздная болтовня» и «вторичные эффекты» в действительности могут оказаться ключом к новым открытиям, но это не принимается во внимание.

Гипотетико-дедуктивный метод позволяет научным теориям быть «основанными на» эмпирических наблюдениях (дедуктивно) без того, чтобы быть действительно «построенными исходя из» наблюдений (индуктивно)». Таким образом, реализм исследования ставится в зависимость от априорного «угадывания» реалистичной теории. В случае исследования простых систем, которые и являлись объектами изучения в классической физике, такое «уга-

дывание» оказалось возможным. Для более сложных систем такое угадывание становится очень проблематичным. Что касается роли таких экспериментов в подтверждении теорий, то как отмечал Карл Поппер, она не велика, по его мнению, такие эксперименты могут помочь опровергнуть (фальсифицировать) теорию, но никак не подтвердить ее (Поппер, 2004, с.53 (цит. по [3])).

Л.А.Микешина так описывает основные позиции этой концепции: «Мир природных явлений рассматривается как реально существующий и объективный, его характеристики не зависят от предпочтений наблюдателя и могут быть описаны достаточно точно. Цель науки – точное и тщательно разработанное описание и объяснение объектов, процессов и взаимосвязей, накопление истинных знаний о внешнем мире. Основные эмпирически повторяющиеся явления могут быть выражены в виде универсальных и «единообразных» законов природы, говорящих о том, что происходит всегда и повсюду. Надежность фактуального знания высоко гарантирована, наука создала жесткие, не имеющие отношения к личности познающего, критерии, посредством которых оценивается новое эмпирическое знание, не зависящее от субъективных факторов – предубежденности, эмоций или личной заинтересованности, которые могли бы исказить восприятие учеными внешнего мира. Присутствующие в научном знании абстрактные обобщения играют важную роль, поскольку объясняют эмпирические знания, но необходимо проводить фундаментальные различия между теоретическими законами, которые имеют дело с ненаблюдаемыми сущностями и могут пересматриваться, и законами на основе наблюдения, которые не пересматриваются никогда. Если теоретические рассуждения допускают некоторую зависимость от культуры и истории, то эмпирические данные не должны быть зависимыми от общества и культуры. Содержание научного знания определяется природой физического мира и не зависит от социального происхождения науки в целом» [10, с.167-168].

В интерпретативной парадигме, ведя интервью или изучая документы, исследователь пользуется языком акторов и интерпретирует его пытаясь понять смыслы лежащие в их дискурсах, а не навязывает объекту исследования свой язык, как это происходит в классической парадигме.

В связи с этим, вызывает интерес позиция Д. Норта: Экономические изменения яв-

ляются в значительной степени преднамеренными процессами формируемыми осознанием (perceptions) акторами последствий своих действий. Осознания эти проистекают из верований игроков – теорий, которые у них есть относительно последствий их действий – верований, которые обычно смешаны с их предпочтениями. Но как люди приходят к пониманию своего окружения? Объяснения, которые они развивают, представляют собой ментальные построения, вытекающие из опыта, опыта как современного, так и исторического. Человеческое обучение есть нечто большее, чем накопление индивидуального опыта в течении жизни индивида. Это также накопленный опыт предыдущих поколений. Накопленное обучение всего общества воплощенное в языке, человеческой памяти и системах знакового хранения включает верования, мифы, способы делания различных вещей, что представляет собой культуру общества. Культура определяет не только функционирование общества в какой то момент времени, но и, накладывая ограничения на игроков, способствует процессу изменений во времени. Наше внимание, таким образом, должно быть сфокусировано на человеческом обучении – на то, чему люди обучены и тому, как это «обученное» разделяется членами общества, а также на постепенный процесс, на основе которого верования и предпочтения меняются, и на то каким образом они формируют функционирование экономик во времени. < .. > Понимание – это необходимое предварительное условие, которое упускается экономистами в поспешности моделировать экономические рост и изменения. Мы еще очень далеки до того, чтобы полностью понять эти процессы» [13, p.9-10]. Норт пишет, что это его исследование есть расширение, правда «очень существенное расширение», новой институциональной экономики (теории). Повидимому, будет не так просто гармонично соединить основную концепцию новой (нортоновской) новой институциональной экономики, концепцию верований (beliefs), с центральной концепцией новой институциональной экономической теории – концепцией «транзакционных издержек». Вышеприведенная цитата соответствует, если не букве подходов Шмоллера, Вебера и Коммонса, то, по крайней мере, их духу. «Одно дело быть в состоянии дать краткое описание процесса экономических изменений, и совсем другое обеспечить достаточное содержание этого описания, чтобы дать нам понимание этого процес-

са» [13, p.4]. Однако Норт все же остался в рамках классической парадигмы. Он отказался искать универсальные законы, но вместо этого ищет универсальные институты и верования, которые ведут к всеобщему благосостоянию, которое он связывает с экономическим ростом.

Норт связывает свои теоретические построения прежде всего с экономическими результатами, а не с социальными результатами и условиями экономической деятельности, и также не с последствиями для окружающей среды, которые он даже нигде не упоминает. Из этого вытекает, что он рассматривает экономическую действительность с точки зрения собственников капитала, а не всего общества в целом, в том числе и его большинства, т.е. наемных работников. Это плохо вяжется с его утверждением о том, что понять экономические, политические и социальные изменения можно только рассматривая их совместно. Повидимому, он считает, что экономическая эффективность фирм какой-то страны автоматически ведет к росту уровня жизни всех слоев населения этой страны, хотя реальности не только бедных, но и богатых стран характеризуются не только ростом экономической поляризации, но и просто абсолютным ростом бедности и неустойчивости положения значительной части населения, не говоря уже об ухудшении положения окружающей среды в глобальном масштабе.

Можно утверждать, что, по крайней мере отчасти, это произошло за последние двадцать лет в связи с изменением геополитической обстановки в мире и связанным с этим значительным ослаблением оппозиционных капиталов сил и движений. Если у Шмоллера и Коммонса социальные конфликты были в центре их анализа, то эта тема находится вне интересов экономиста Нортона. Норт не ориентирован на целостное видение экономической деятельности, как объекта исследования, что является одним из важнейших требований к исследованиям проводимых в рамках интерпретативной парадигмы.

Философским фундаментом исходной институциональной экономики была философия прагматизма, основы которой были заложены Ч.Пирсом

Позиция Веблена относительно того, что «основой действия – его отправной точкой – на всех этапах процесса является органический комплекс мысленных привычек, которые были сформированы прошлым процессом» [5, p.77], взята им из философии прагматизма Пирса.

В прагматизме Пирса двумя центральными понятиями являются понятие верования (*belief*) и понятие правила действия (*rule of action*), которое он отождествляет с привычкой (*habit*). Вот, как он понимает верование и его связь с сомнением: «Наши верования руководят нашими желаниями и формируют наши действия <...> Сомнение является беспокойным и неудовлетворенным состоянием, от которого мы пытаемся освободиться и прийти к состоянию верования, в то время как последнее является состоянием спокойного самодовольствия, от которого мы не хотим уклоняться или же поменять на верование во что-то иное. Напротив мы упорно держимся не просто за акт верования, но за верование только в то, во что мы действительно верим. Таким образом, сомнение и верование оказывают на нас положительное воздействие, хотя и достаточно различное. Верование не заставляет нас действовать немедленно, но ставит нас в такие условия, что мы будем вести себя некоторым определенным образом, когда представится возможность. Сомнение ни в малейшей степени не дает такого активного результата, но принуждает нас исследовать до тех пор, пока оно само не будет устранено <...> Раздражение, причиненное сомнением, вызывает борьбу, направленную на достижение состояния верования. Я буду называть эту борьбу *исследованием*, хотя нужно признать, что иногда это не очень точное обозначение. Раздражение, причиненное сомнением, является единственным непосредственным побуждением для борьбы, направленной на достижение верования. Но лучшим для нас, конечно же, будет, если наши верования окажутся такими, что смогут правильно руководить нашими действиями, дабы удовлетворить наши желания; и размышление заставит нас отвергнуть любое верование, которое, как кажется, не было сформулировано с тем, чтобы гарантировать этот результат. Но оно будет делать это, только рождая сомнение на месте этого верования. С сомнением, поэтому борьба начинается, с прекращением его она заканчивается. Таким образом, единственная цель исследования есть установление мнения <...> Самое большое, что можно утверждать, это то, что мы ищем такое верование, о котором мы *думали* бы, что оно истинно, и право же, данное утверждение является пустой тавтологией. То, что установление мнения есть единственная цель исследования, представляет собой важное положение. Оно мгновенно сметает прочь со своего пути

различные смутные и ошибочные концепции доказательства» (Пирс, 2000а, с. 242-245 (цит. по [3])).

А вот, что он пишет по поводу правила действия (привычки): «Верование обладает тремя свойствами: во-первых, оно есть что-то, что мы осознаем; во-вторых, оно кладет конец раздражению, вызванному сомнением; и, в-третьих, оно влечет за собой установление в нашей природе правила действия, короче говоря, *привычки*. <...> *Конечный* результат мышления состоит в акте воли. <...> Сущность верования заключается в установлении привычки; различные верования отличаются друг от друга теми различными способами действия, которые они вызывают. <...> полной функцией мысли является установление привычек, располагающих к тому или иному действию, и все то, что связано с мыслью, но не имеет отношения к ее цели, есть некий нарост на ней, но не ее часть. <...> Для того, чтобы выяснить смысл мысли, мы просто должны определить, какие привычки она производит, ибо смысл какой-либо вещи состоит просто в том, какие привычки она вызывает».

Исходная институциональная экономика сделала два вывода из философских построений Пирса. Первый вывод, онтологического порядка, касается рассмотрения человеческой деятельности, в том числе и экономической, как деятельности протекающей в соответствии с определенными правилами. Правила эти, непосредственно связанные с определенными верованиями, остаются стабильными до тех пор пока акторы действующие в соответствии с этими правилами не начинают сомневаться в верованиях лежащих в их основе. В этом случае происходит сначала смена верований, а уже затем и замена правил на такие, которые бы соответствовали новым верованиям, вытекали бы из них. Если под институтами понимать правила взаимодействия людей вовлеченных в определенную деятельность, то можно сказать, что институциональная динамика представляет собой последовательную смену верований, вызывающих замену правил.

По представлению г-на Ефимова В.М., именно социальный конструктивизм, в своей трактовке институтов, соответствует духу интерпретативной институциональной экономики. В изложении конструктивистской концепции институтов, он следует книге П. Бергера и Т. Лукмана.[7].

Интерпретативная институциональная экономика отбрасывает «объективизацию» со-

циальной реальности. Социально-экономическая реальность, т.е. поток экономической деятельности, есть результирующая действий совокупности ее участников (акторов). Последние делятся на более влиятельных, обладающих большей властью, и менее влиятельных- и конечно вес более влиятельных в этой результирующей выше, часто намного выше, чем менее влиятельных. Действия участников регулируются некоторыми формальными и неформальными правилами, которые в свою очередь основываются, в основном, на разделяемых ими верованиях (идеях и ценностях). Более влиятельные участники экономической деятельности имеют больше возможностей, чем менее влиятельные, изменить формальные правила, скорректировать неформальные правила, и убедить менее влиятельных участников в правоте новых верований и правомерности новых правил. В этом смысле можно сказать, что социально-экономическая реальность субъективна. Исследователь этой реальности должен нацелить свое внимание на то, как видят поток экономической деятельности различные ее участники, то есть каковы для них смыслы того, что происходит.

Для обсуждения предмета интерпретативной институциональной экономики целесообразно выделить в социально-экономической реальности, т.е. потоке экономической деятельности, следующие четыре уровня:

- 1) когнитивный (самый высокий уровень);
- 2) институциональный;
- 3) организационный;
- 4) ресурсно-технологический (самый низкий уровень).

Каждому уровню соответствует свой предмет анализа (подпредмет интерпретативной институциональной экономики):

- на когнитивном уровне – это верования;
- на институциональном – это правила;
- на организационном - это власть, т.е. отношения влияния между акторами (индивидами или организациями);
- на ресурсно-технологическом – это ресурсы и технологии их переработки. Между уровнями имеются как нисходящие, так и восходящие связи. При рассмотрении нисходящих связей, верования определяют правила, в рамках которых осуществляются отношения власти между акторами, которые контролируют ресурсно-технологические потоки. По восходящей от ресурсно-технологического уровня

исходят сигналы акторам, которые помогают им скорректировать их решения, проявления их власти. Используя свою власть, акторы пытаются также изменить правила в свою пользу. Наконец, проблемы, которые возникают у акторов при применении правил, могут вызвать изменения в их верованиях. Цели исследования экономической деятельности во всем их разнообразии можно подразделить на три вида: результат изучаемой деятельности, ее механизм, ее эволюцию. Выбор уровня анализа зависит от цели исследования. Если исследователя интересует прежде всего результат экономической деятельности в тот или иной момент (моменты) времени, то основное внимание должно быть уделено ресурсно-технологическому уровню. В противоположность этому, если исследователя интересует не конкретный результат экономической деятельности, а ее механизм, действующий в течение некоторого времени, то его внимание должно быть сконцентрировано на организационном и институциональном уровнях. Если же исследователя интересуют изменения в механизме экономической деятельности, то основное внимание должно быть сфокусировано на институциональном и когнитивном уровнях. В рамках интерпретативной институциональной экономики, количественный анализ материальных потоков (уровень 4) может помочь исследователю только задавать себе вопросы, а ответы на эти вопросы он должен искать на более высоких уровнях.

Понимание сущности интерпретативной институциональной экономики будет более полным в том случае, если мы рассмотрим её природу и метод.

В своей эпистемологии Пирс напрямую связывает понятие истины с понятием веры: «Вместо того, чтобы говорить, что вы хотите знать «Истину», вам было бы просто нужно сказать, что хотите достичь состояния веры, недоступной сомнению. Вера не является мимолетным состоянием сознания; это привычка ума, в своих основных чертах длящаяся какое-то время и (по крайней мере) в большинстве своем бессознательно; и, так же как и любые другие привычки, она (до тех пор, пока не встретится с какой-то неожиданностью, начинающий процесс ее растворения) полностью самодостаточна» (Пирс, 2000а, с. 305(цит. по [3])).

Метод интерпретативной институциональной экономики предполагает экспериментальный подход к исследованию, т.е. прямой

контакт с изучаемым предметом, институтами и непосредственно с ними связанными верованиями. Если это контакт не с документами, а непосредственно с акторами, то, как правило, при интерпретативном подходе исследователь вступает с ними контакт в естественном для них, часто рабочем, окружении. Поместив их в искусственные условия мы делаем первый шаг к проведению исследований в лаборатории. Вторым шагом было бы создание некой экспериментальной установки, своего рода экономического синхрофазотрона, которая бы и представляла собой эти искусственные условия. Если бы эта установка динамически поставляла бы обратную связь на действия акторов в зависимости от их решений, которые в свою очередь зависели бы от правил их взаимодействия, то мы получили бы лабораторию для проведения экспериментов в области институциональной экономики.[3]

Схема институциональных изменений, которую г-н Ефимов В.М. вывел на базе институционального анализа аграрных преобразований в России, проведенного путем изучения документов, прежде всего юридических и политических, российской истории, начиная с 1861 года, представляется так:

«Преобразования аграрных институтов разворачиваются, следуя циклам. Эти циклы могут быть представлены следующим образом:

- функционирование институтов вызывает реакции различных акторов, которые выражаются в идеологиях;

- идеологии конкурируют между собой за свое влияние, и по тем или иным причинам, одна из этих идеологий определяет содержание законодательства, которое создается, чтобы решить проблемы функционирования институтов;

- новое законодательство влияет на (но не определяет) функционирование институтов со старыми и/или новыми проблемами и мы возвращаемся к исходному пункту цикла.

Законодательство не определяет функционирование институтов, так как правила, лежащие в основе институтов, могут быть формальными и неформальными. Для того, чтобы понять дополняемость или несовместимость формальных и неформальных правил, нужно анализировать динамику этих связей, так как социально-экономические реальности очень инерционны» [4, р. 31-32].

Таким образом мы видим, что классическая и интерпретативная парадигма существенно отличается своими программами иссле-

дования. Исследования институциональной экономики вписываются в интерпретативную парадигму.

Институциональное сознание представляют собой последовательную смену верований, вызывающих замену правил взаимодействия между участниками экономической деятельности. Социально-экономическая реальность преимущественно носит субъективный характер, поэтому в обществе должен постоянно присутствовать социальный конструктивизм. Исследователь этой реальности должен учитывать поведение участников экономической деятельности, прежде всего их отношение к происходящим процессам в обществе.

Сложность исследования экономической реальности остаётся и сегодня. Целостное видение экономической деятельности, как объекта исследования, невозможно осуществить с помощью существующих классических программ. Очевидно применение интерпретативной парадигмы углубит познание социально-экономических процессов, поэтому задача исследователей – расширить сферу использования инструментария данной теории.

Литература

1. Ефимов В. Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики / В. Ефимов // Вопросы экономики. – 2007. – №8. – С. 49-67.
2. Ефимов В. Спор о методах и институциональная экономика / В. Ефимов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 3. – С. 18-36.
3. Ефимов В. Об интерпретативной институциональной экономике (научный доклад). – М.: ИЭ РАН, 2007. – 74 с.
4. *Yefimov V. Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan, 2003. – 74 с.*
5. Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. С. Г. Сорокиной; под ред. В.В.Мотылёва. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
6. Коммонс Дж. Институциональная экономика / Дж. Коммонс (Перевод Курышевой А.А.) // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 4. – С. 59-70.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Перевод Е. Руткевич. – М.: “Медиум”, 1995. – 323 с.

Таблица 1

Принципиальные характеристики классической и интерпретативной исследовательских парадигм

	Классическая парадигма	Интерпретативная парадигма
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВЕРИТ В ТО, ЧТО:	Реальность является внешней и объективной	Реальность является социально сконструированной и субъективной
	Наблюдатель должен быть независим от того, что он наблюдает	Наблюдатель является интегральной частью того, что наблюдается
	Наука должна быть независима от ценностей исследователей	Наука движима людскими интересами
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДОЛЖЕН:	Сконцентрироваться на фактах	Сконцентрироваться на смыслах
	Использовать готовые или разрабатывать новые концепции так, чтобы они представляли собой некоторые количественно измеримые переменные.	Разрабатывать концепции укорененные в; проистекающие из качественных и количественных данных. Чаще всего эти концепции носят качественный характер.
	Исследовать причинные связи и фундаментальные законы. Контекст при этом игнорируется.	Пытаться понять изучаемое явление в данном контексте
	Свести изучаемые явления к их простейшим элементам, сложное свести к простому.	Наблюдать каждую ситуацию во всей ее полноте, рассматривать сложность как она есть
	Формулировать гипотезы и затем их тестировать (нацеленность на верификацию)	Собирать данные и развивать идеи на их основе (нацеленность на открытие)
	При сборе данных ориентироваться на большие случайные выборки	Осуществлять глубинное изучение небольших выборок

8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. Ю.А. Данилова; Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

9. Пригожин И. От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках / Пер. с англ. Ю.А. Данилова; Общ. ред. В. И. Аршинова. – М.: КомКнига, 2006. – 296с.

10. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного

исследования . / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.

11. Норт Д. Пять тезисов об институциональных изменениях / Д. Норт // Квартальный бюллетень клуба экономистов. – 2000. Вып. 4. – С. 8.

12. Сачков Ю.В. Научный метод: вопросы и развитие: монография / Ю.В. Сачков. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 160 с.

Статья поступила в редакцию 22.05.2011